

ОСОКОРИНАЯ КОРА

* * *

Даже пафосом жизни привычным влеком,
Городок мой слова выбирает попроще...
Отменили знакомое слово «райком» –
«Что ж теперь, Белый дом?» – усмешается площадь.

Дон Кихот, Ланселот, де Базан дон Сезар
Жмутся рядом с пожаркой, где книжный был прежде.
Ждут Ходжу Насреддина, что скажет: «Сезам...»,
Городок наш пока ещё верен Надежде.

Занавесок под ветром крыла простыней –
Что пред ними невечности дальняя тучка?
А по пятницам вышедших в свет Дульсиной –
«Дунь, привет!» – окликает по-свойски толкучка.

И чужое привычным становится нам...
Вышку сотовой связи поставили в центре.
И зовётся старушками гордо так – храм –
Небольшая, лишь в праздники людная церковь.

И заходит порою закат с кумачом
Во дворы... Но Россия иная – была ли?
«Он не нашеньский, – вскинется речь, – Пугачёв!».
«Ну а я?» – усмехнётся Кондратий Булавин.

Фонари по ночам беспокойно горят,
Сжаты плотно овражным да пойменным мраком.
И идёт в Пустозерск мимо храмовых врат
Проповедовать старую правду Аввакум...

Мистраль

Их, крутящихся пылью под бурей,
Размело на двенадцать стран...
Но мистраль, в окна бившийся к Бунину,
Был полыньёю воронежской пьян.

И палило ли сердце, сквозило ли,
Строки слепо светлели лицом
Рядом с теми худыми лозинами,
Что остались в снегах под Ельцом.

Август

Заката спеет волчье лыко,
И зорек тьмы вороний глаз...
Летит над кручей метелика,
Летит над плёсом метелика –
Наверное, в последний раз.

Перехитрив судьбу скупую,
У плена выскользнув из рук,
Играет жизнь она вслепую,
Свою играет жизнь вслепую
Сутулым сумеркам излук.

Ни слов, ни наших нот не знает,
Ни озарений, ни потерь,
Но ведь и наше всё играет...

Всё подобрав на слух играет –
И листопады, и метель!

И так понятна эта речь нам
Своей мелодией простой,
Как юность в платье подвенечном...
Как юность в платье подвенечном
С летящей по ветру фатой!

Метла, метлица, метелица,
Теченья мотыльковый тальк...
Наверно, это плёсу снится,
И мне, наверно, это снится,
Но так светло и хрупко снится,
Так больно, милосердно так...

Прощание

Спросишь тихо – в тон тебе ответчу.
Взгляд уронишь – хрипотцу сглотну...
Всклени налив, решусь я: «Ну, за встречу!»
И запнусь на влипшем в горло «ну».

И потянем горькую, не морщась...
Что за хмель? О вечном и пустом
Молча говорим... Нет, дважды молча!
Руки немо уронив на стол.

И сухой занюхивая коркой,
Вижу, не расплакавшись едва:
На глоток ещё осталось горькой
У меня. А у тебя – на два...

* * *

Как свои камни в гору лихо мы
Катили, юностью пьяны!
И стали вроде вровень с мифами,
Ворочавшими валуны.

Но как Вийон с вином и драками,
На суши на шестой одной
Когда, скажи? – мы стали враками,
Не сдутой пеною в пивной...

Не потрясли. Но сердце тронули
Эпохи с именем «Застой».
...И стали мы пропавшей Троею
На суши на одной шестой.

Сизифам мы не посторонние,
Что катят камни на Парнас.
Но мифы, нами сотворённые,
В лицо уже не помнят нас.

Я красный! Ну а вы, ребята смелые,
 «Комса» былая, записались в белые,
 И вот мои ровесники, «годки»,
 Гурьбой меня берёте за грудки.
 Мол, отвечай, красняк, за время мерзкое –
 За наши клятвы, песни пионерские...
 Вы нам за всё ответите, «совки»:
 За Зимний, за Сиваш, за Соловки!
 – Ответим, – говорю, – зачем кричать?
 Назвали всё, за что мне отвечать?
 Но почему же вы, ребята скромные,
 Забыли про «Вставай, страна огромная»?
 Вам даже над рейхстагом алый стяг –
 Как деревенский родственник в гостях.
 А вынь ты скрепу эту лишь одну –
 Господь не поручится за страну,
 Где смерть пила из Волги, из Невы,
 Из Дона, из Москвы-реки... Но вы
 С неистовством мятущихся натур
 Сыграть решились в сто клавиатур
 Историю – с чужих, фальшивых нот...
 Но песни не забыл свои народ!
 Из незабываемых тех всего одной
 Он вас смахнёт «Священной войной»!
 А я... Да, признаю свою вину:
 Мой дед – кулак, отец мой был в плену...
 Меня же в плен никто не брал, я сам
 Под ельцинскую дудочку плясал,
 «Борис, борись!» – шаманил, как в бреду...
 Я сам себя за то предаю суду.
 За ту страну, за ту войну, за ту
 Не смытую со строчек красноту,
 Что не по чину мне, не по летам,
 Казалось бы... Но я остался там,
 Где жизни всей основа из основ –
 Матросов, а не Власов и Краснов.
 И знаю я, как вы ни правь скрижали,
 Что я остался, вы – перебежали...

* * *

Как её теперь добиться, славы?
 Спросишь – нет гусяного пера!
 И бумага серая корява,
 Как осокориная кора.

И стыда такого наберёшься,
 Вспомнив то, что не горит дотла...
 Новгород писал вон на берёсте,
 И дошло ведь! И Москва прочла...

Запад

Снобы с блескучими люстрами фраз,
Как они тянут из темени нас!

Но припасли – для любой из России –
Свет не слепящий: фитиль, керосин...

И прикрутили Европы на треть
Русскую правду и русскую смерть.

И укоряют теперь, что коптит
Русское время: то совесть, то стыд.

Надо бы этот бардак прекратить...
Вплоть до потёмок его прикрутить!

Только пугает земных воротил
Русский ответ: керосин – и фитиль...

* * *

Писать ещё трудней, чем жить...
Когда декабрь
В глаза снежит
И век
Смерзается меж век,
Как смеркшее свеченье рек
В сырых ресницах тростника...
Но коль не лжёт
Твоя строка,
Она душе надежду даст!
...Так плуг отваливает пласт,
И он лежит – тяжёлый, влажный...
И помня пустословья стыд,
Чернеет правдой небумажной
И солнцем, бьющим в срез, блестит.